

СПЕЦИФИКА АВТОРЕФЛЕКСИИ НАКИ ИСАНБЕТА В ПЕРЕПИСКЕ С САЙФИ КУДАШЕМ

Научная статья

Хабутдинова М.М.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8110-4001;

¹Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mileuscha[at]mail.ru)

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является изучение оценок писателя собственной личности в письмах к писателю Сайфи Кудашу. Материалом для анализа послужили 4 письма Н. Исанбета, адресованные другу. Одно из писем было опубликовано в Уфе после ухода из жизни автора и адресата. Доказано, что эти письма являются важным источником для изучения общественно-литературной жизни 1970–1980-х гг. Н. Исанбет систематизирует в письмах взгляды «верхов» на собственное творчество и личность, а также с помощью авторефлексии пытается скорректировать общественное мнение о себе. Ученый-энциклопедист характеризует себя как дервиша, аскета, труженика, просветителя, чьи помыслы на протяжении жизни были направлены на служение татарскому народу. Н. Исанбет в дни 80-летия выявил противоречие между народным мнением о себе и точкой зрения «бюрократической верхушки». Ученый-энциклопедист в письмах к С. Кудашу размышляет о роли личного архива в лаборатории писателя.

Ключевые слова: татарская литература, эпистолярное наследие, Наки Исанбет, Сайфи Кудаш, литературная репутация, образ писателя.

SPECIFICS OF SELF-REFLECTION IN CORRESPONDENCE BETWEEN NÄQI İSÄNBÄT AND SAIFI KUDASH

Research article

Хабутдинова М.М.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8110-4001;

¹Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (mileuscha[at]mail.ru)

Abstract

The research studies the author's estimation of his own personality in his letters to Saifi Kudash. 4 letters of N. İsanbät to his friend served as material for analysis. One of them was published in Ufa after both of them passed away. It was proved that these letters an important source for the study of the social and literary life of the 1970s-1980s. İsanbät in his letters systematizes the views of the «tops» on his own creative work and personality, and also tries to correct public opinion about himself. The encyclopedist describes himself as a dervish, ascetic, toiler, enlightener, whose aspirations in all of his life were dedicated to serve the Tatar people. In the days of his 80th anniversary, İsanbät revealed a contradiction between the public opinion about himself and that of the «bureaucratic top». In his letters to S. Kudash, the encyclopedist reflects on the personal archive role in the writer's laboratory.

Keywords: Tatar literature, epistolary legacy, Näqi İsanbät, Saifi Kudash, literary reputation, author's image.

Введение

В отечественном литературоведении первые работы о литературной репутации появляются в конце 1920-х гг. (Ю. Н. Тынянов [7], В.М. Шкловский [8], Б.М. Эйхенбаум [9], И.Н. Розанов [6]). Сам термин ввел в научный оборот в 1928 г. И.Н. Розанов. В силу идеологических причин его теория о литературной репутации в СССР не получила дальнейшего развития. В 1982 г. социолог Г. Беккер под литературной репутацией подразумевает консенсус, единое мнение, устанавливающееся в мире искусства и меняющееся с течением времени [25]. Для А.И. Рейтблата в этом термине кроются «те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [5]. По мнению Дж. Роддена, критики или ученые формируют образ писателя, а широкие читательские круги распространяют версию этого образа [27]. Согласно А.И. Рейтблату, «источниками литературной репутации являются: печатные, письменные и устные тексты автора (как художественные, так и нехудожественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству); печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе» [5, С. 51].

Теоретической базой нашего исследования стала работа казанского литературоведа, в которой впервые были разработаны методологические принципы изучения литературной репутации А.П. Чехова. Л.Е. Бушканец удалось вписать фигуру этого писателя в панораму литературно-общественной жизни рубежа веков. Вслед за литературоведом мы считаем, что становление литературной репутации любого писателя начинается не с даты его ухода из жизни, а с момента появления суждений и оценок современников [1]. Эта методология была успешно апробирована и в работе ее аспирантки Е.Г. Кузнецовой [3].

По мнению Луцевич Л.Ф. факторы, обуславливающие литературную репутацию писателя, соприкасаются с рецептивностью. Под авторецепцией литературовед понимает «восприятие писателем своего собственного отдельного произведения или творчества в целом, его истолкование, комментирование, оценки, пропаганду и проч., то есть самые различные формы самооценок и способы авторефлексии» [4].

Методы и принципы исследования

В архиве татарского писателя, ученого энциклопедиста, фольклориста, текстолога, языковеда, критика Наки Исанбета (1899–1992) хранятся сотни писем. Круг корреспондентов необычайно широк. Большинство писем относятся к научной деятельности фольклориста, ученого-энциклопедиста. Определенная часть связана с собственно литературной деятельностью и носит характер деловой переписки с редакциями газет, журналов, книжных издательств и читателями. Н. Исанбет был склонен к написанию открытых писем, адресованных к чиновникам и своим оппонентам [22, С. 661–675]. Предметом наших наблюдений стали письма классика начала 1970-х гг., адресованные к Сайфи Кудашу (1894–1993), другу юности. Методологическую базу исследования составляет культурно-исторический метод анализа текстов.

Основные результаты

Наки Исанбет в письмах к С. Кудашу предпринял попытку систематизировать взгляды «верхов» о себе и в меру сил попытался скорректировать эти оценки. В фокусе внимания писателя оказалась татарская общественно-литературная жизнь 1970–1980-х гг. Н. Исанбет с тревогой вглядывается в поколение «бизнесменов от литературы», спровоцировавших межпоколенческий конфликт в среде писателей. Классик искренне радуется тому, что все попытки «бюрократов» выдавить «стариков» на обочину жизни не увенчались успехом. В дни 80-летия Н. Исанбет вновь на себе почувствовал всю силу всенародной любви.

В своих письмах писатель характеризует себя аскетом, «дервишем», с котомкой за плечами пешком не раз наведывавшимся в места компактного проживания татар в поисках фольклорного материала, «рабочей лошастью», отдающей все силы служению татарской культуре. Н. Исанбет дорожит своим архивом и беспокоится из-за того, что его современники, возомнившие себя «неоклассиками», пренебрежительно относятся к фольклорному и литературному наследию. Ученый-энциклопедист считает, что на протяжении жизни отношение чиновников-бюрократов к нему не менялось, т.к. все они его считали «общественно пассивным» элементом. Н. Исанбет позиционирует себя как «республиканиста», т.е. сторонника союзного, а не автономного статуса ТАССР. Просветитель радуется успеху С. Кудаша, сумевшему создать музей медресе «Галия» в Уфе, возмущается тем, что в Казани юбилей медресе «Мухаммадия» был проигнорирован.

Обсуждение

Письма писателей являются важным источником для изучения их личности, творчества, эпохи и окружения. У Н. Исанбета сложились дружеские отношения с С. Кудашем еще с юности, с периода обучения в медресе в Уфе. За их плечами совместный горький опыт разбирательств по делу «Джидегян» (1930-1960), клеветнической травли в начале 1990-х гг. Их дружба проверена временем. На это указывают юбилейные статьи С. Кудаша о друге, вызвавшие резонанс в обществе [15], [16], [17]. За рамками внимания исследователей длительное время оставалась кропотливая работа ученых по «возвращению» наследия запрещенных и репрессированных национальных писателей. В одной из своих работ, написанных в соавторстве с казахским литературоведом А.К. Машаковой, мы рассказали о смелых попытках Н. Исанбета и С. Кудаша вернуть наследие казахского поэта Магжана Жумабаева советским читателям, предпринятых во всесоюзном масштабе с привлечением внимания десятков ученых [18, С. 50].

В архиве писателя мы обнаружили 4 письма [19], [20], [21], адресованные С. Кудашу в 1970–1980 гг., одно из которых было опубликовано после ухода из жизни писателей [12], [13], [14]. Мы рассматриваем эти письма как целостный текст, нацеленный на осмысление литературной жизни 1970-х гг. и определения места Н. Исанбета в среде татарского и башкирского народов. Нас заинтересовал характер авторефлексии писателя, а именно ее нацеленность на корректировку общественного мнения о себе.

Из-за систематических компаний против себя Н. Исанбет остерегался писать письма, считая, что они могут усугубить его положение в обществе. Анализируемые письма носят характер дистантного диалога с С. Кудашем из-за невозможности очных встреч в силу преклонного возраста. Писатели часто приезжали в гости к друг другу (см. подр. в книге воспоминаний дочери С. Кудаша об отце и его окружении [2, С. 45, 92, 94]). Смеем предположить, что эти письма играли и роль «черновики» при написании серьезного труда Н. Исанбета, посвященного истории литературной жизни татар XX вв., отдельные главы из которого мы обнаружили в его архиве. Ученый-энциклопедист знал о том, что его друг приводит в порядок архив своей переписки, поэтому постарался дать в письмах исчерпывающую характеристику эпохе («хэзерге әдәби барышыбыз турында кайбер мәгълүмат») [19, С. 6], своим взаимоотношениям с С. Кудашем и о себе.

Сам Н. Исанбет в анализируемых письмах характеризует себя как «дервиша» [12, С. 16], [19, С. 7], чья жизнь, полная аскетизма и внутренней самодисциплины, была направлена на служение татарскому народу. Скитаясь с котомкой за плечами по просторам страны, по местам компактного проживания татар и башкир, ученый собирал, систематизировал и изучал материальное и нематериальное культурное наследие татар. О трудолюбии Н. Исанбета в обществе ходили легенды, да и сам он называет себя «рабочей лошастью» («эш аты») [23], [24]

Читая эти письма, мы не переставали удивляться скромности ученого. В них нет ни слова о мировом признании собственной деятельности. А ведь именно в этот период за границей выходит рецензия известного монголоведа Николая Поппе на сборник Н. Исанбета «Татарские загадки», где татарский ученый провозглашается создателем новой теории анализа этого фольклорного жанра. Автор рецензии восхищается масштабностью изыскательной деятельности татарского фольклориста, сумевшего классифицировать 4170 загадок [26]. В письмах нет ни слова о восторженном отзыве венгерского ученого-тюрколога Ласло Мандоки (Иштван Конгур Мандоки) как о сборнике «Татарские загадки», так и о трехтомном словаре Н. Исанбета «Татарские народные пословицы» [17].

В письме от 8–20 декабря 1972 г. [19, С. 1] ученый-энциклопедист сообщает своему другу о том, что в последние недели был сильно занят, т.к. перевез свой архив в новую квартиру. С удовлетворением Н. Исанбет пишет о том, что ему удалось, несмотря на все передряги судьбы, сохранить свой архив. К слову, из-за возникшего конфликта с детьми по поводу женитьбы на художнице Нажибе Низамутдиновой (первая супруга писателя Гульсум Исанбет скончалась в 1967 г.), часть архива писателя осталась у дочери Юлдуз Исанбет, на старой квартире писателя. Это в дальнейшем создавало определенные трудности в его научной работе. Архив писателя – ценный источник изучения не только

жизненного и творческого его пути, но и истории образованности татар. Н. Исанбет всю жизнь коллекционировал древние рукописи, некоторые из которых он по мере сил вводил в научный оборот. Ученый-энциклопедист, рискуя своей безопасностью, хранил у себя документы из архивов репрессированных ученых, писателей (например, Г. Рахима). Верный научной этике, Н. Исанбет в своих научных трудах делал ссылки на эти источники. В его архиве мы обнаружили немало конспектов книг, где четко проведена грань между собственным комментарием и мнением других ученых.

С иронией писатель напоминает другу, как на заре своей писательской карьеры он сам высмеивал тех, кто корпел над «старыми книгами», поднимая клубы пыли вокруг себя: «Хәтеренә төшер: Исәнбәт дигән бер гыйсьянчы үзенң „Чаң“ китабыңда шундый „искә китап“ тузаны туздырып утыручылардан бик яман мыскыллап кәлгән югыйсә» [19, С. 1]. – «Вспомни: бунтарь по имени Исанбет в своей книге „Чаң“ когда-то зло высмеял тех, кто сидит над “старыми книгами”, поднимая клубы пыли вокруг себя» (Подстр. пер. здесь и далее наш – М.Х.). Следовательно, к моменту выхода этой книги [11] в 1925 г. Н. Исанбет сумел снискать славу поэта-бунтаря («гыйсьянчы»).

В письме ученый выражает беспокойство по поводу того, что в силу возраста они с С. Кудашем не успеют выполнить в полной мере свой долг перед обществом: «Үз каршыңда, тарих каршыңда, халкың каршыңда шул бурычларың борчы сине... Әллә син Исәнбәтнең миен кайнаткан, күзеннән йокыларын очырган борчылулар аз дигенме? Төбәндә миндә дә шул ижтимагый жавапчылык, шуларны үти алмыйча дөньядан үтү куркынуучы бар, иптәш, их, булса иде башкалар башыңда да шундый борчылулар!» [19, С. 2] – «Тебе не дает покоя чувство ответственности перед самим собой, перед историей, перед народом... Ты думаешь у Исанбета мало тревог, лишаящих его сна, будоражащих его мозг? В их основе лежит страх покинуть этот мир, не выполнив сполна свою долю ответственности перед обществом, эх, если бы эти переживания родились и в других головах!».

В письме Н. Исанбет себя и С. Кудаша характеризует как единственными в своем роде на две братские республики «народниками» («чын халыкчы»), «настоящими республиканистами» («чын республиканист»), озабоченными судьбой материально-культурного наследия татарского народа, размышляющими о тенденциях его развития в настоящее время и в будущем, переживающими за его духовное здоровье [19, С. 2]. Н. Исанбет был сторонником союзного, а не автономного статуса нашей республики.

Н. Исанбет восхищается подвигом С. Кудаша по сохранению исторической памяти о медресе «Галия». Эту подвижническую работу друга ученый сравнивает с подъемом «Титаник» а с помощью «домкрата ленинизма»: «бу бит – мәдәният, тарих, мирас һәм традиция! Моңы күтәртү өчен ленинизм домкратын эшләтергә кирәк! Эшләтергәнсең бит! Учагы-көле белән бергә күтәртеп! Ә көл астыңда ул!» [19, С. 2]. – «это же – культура, история, наследие и традиция! Чтобы это поднять, надо было заставить работать домкрат ленинизма! И ты заставил его заработать! Сумел поднять со дна вместе с кострищем-золой! А под золой – огонь!». С. Кудаш сумел открыть музей известного Уфимского медресе.

С горечью Н. Исанбет пишет о том, что ему не удалось раскатать местные власти на проведение 90-летия казанского медресе «Мухаммадия». Ученый-энциклопедист яростно критикует местных научных бюрократов («гыйлем чиновниклары») за бездействие и безынициативность. Н. Исанбет стыдит выпускников медресе, ставших коммунистами, за то, что они боятся упоминать имя Галимджана Баруди, т.к. ректор медресе «Мухаммадия» в 1917 г. был избран муфтием. Ученый-энциклопедист искренне негодует, что чиновники при этом игнорируют авторитет богослова в тюркском мире, а также и тот факт, что к нему с должным уважением относился вождь большевиков В.И. Ленин [19, С. 3].

Н. Исанбет гордится системой образования в родном медресе и считает его «кузницей кадров» в деле воспитания нескольких поколений национальной интеллигенции. Ученый-энциклопедист указывает на внутреннее родство этих горе-чиновников с «королями» «Уголка сплетен» на Сенном базаре г. Казани, которые вслед проходящим мимо шакирдам «Мухаммадии» кричали: «Һай шәкерт, ялың (озын чәчәң – прим. Н.И.) күрәнә, һай динсез кияфер, кырдырт хәзер үк!». – «Әй шакирд, безбожник, иди и стриги немедленно длинные волосы!». Н. Исанбет искренне расстроен тем, что инерция, косность, необразованность, консерватизм неистребимы в среде татар-чиновников, хотя меняются эпохи и политические системы [19, С. 7]. Перефразируя А.П. Чехова, Н. Исанбет наградил этих «машинальных трансформаторов» хлестким прозвищем: «Унтер Жамалыйлык» (Ср. с Унтер-Пришибеевым).

Н. Исанбет признается, что бюрократы всех мастей всегда указывали на незavidность его общественного положения: «Билгеле, мин гомер буена кагылып-сугылып жәмәгать эшеннән читкә тибәрелеп яшәган, шуның өстөнә үз сулышына үзе буылып яшәргә калган бер чирләшкә бәндә генә. Шуңа күрә минем характеристикам “общественно пассив” дип язып куялар. Димәк, дәрт бар, дәрман юк» [19, С. 8]. – «Как известно, я – больной человек, вынужденный жить и работать под зуботычинами и тумачами на обочине общественной жизни, к тому же привыкший задыхаться от собственного дыхания. Поэтому в моей характеристике написано: «общественно пассивный. Значит, желание есть, но нет сил». Пренебрежительное отношение, по мнению ученого-энциклопедиста, было вызвано тем, что он был беспартийным [19, С. 9].

С горечью Н. Исанбет пишет о том, что был всегда удобной мишенью для карьеристов всех мастей, инициировавших не раз против него компании (дело «Джидеген», скандал вокруг дастана «Идегей», публикации «Миркай и Айсылу»).

Полны драматизма воспоминания Н. Исанбета о случайном знакомстве накануне Великой Отечественной войны на рынке с коллекционером древних рукописей-«профессором Казанского Анатомического театра Гарновским» (мы считаем, что в письме речь идет о Василии Николаевиче Терновском, в 1924 – 1944 гг. заведовавшем кафедрой анатомии Казанского мединститута) [19, С. 10]. В силу обстоятельств (начало войны, компания против дастана «Идегей», безработица, нищета) Н. Исанбет так и не сходил в гости к этому ученому, о чем впоследствии горько сожалел.

В 1974 г. в письме к С. Кудашу Н. Исанбет так оценивает значение своего творчества в жизни татарского народа: «Без халыктан аерылмаган, халык безне онытмаган, ташламаган һәм ул һаман да өмет күзен безгә, ягъни үзе таныган ышанычлы язучыларына текәгән. Без халык белән һәм халык безнең белән. Без аның өчен яздык, яшәдек» [14, С. 6]. –

“Мы не оторвались от народа, народ о нас помнит, не бросает нас и его взор, полный надежды, обращен к нам, к писателям, которым он доверяет. Мы с народом и народ с нами. Мы писали для него, для него жили” (подстр. пер.).

В письме к С. Кудашу от 22 апреля 1974 г. Н. Исанбет с удовлетворением пишет о том, что они – два друга-единомышленника – несмотря на преклонный возраст, до сих остаются в литературном строю. Размышляя о прожитой жизни, Н. Исанбет цитирует строки из стихотворения Дердеменда «Без» («Мы»): «Мөсафир, кем жиһанга басты ботны / Биетте аҗғырып аны замана...» [21, С. 1] – «Скиталец тот, кто в мир пришел на краткий час, / Взревело время, чтобы он пустился в пляс. (пер. С. Липкина) [10, С. 21].

С горечью аксакал констатирует, что их поколение напрасно растратило силы на разборки друг с другом: «бу үз-ара ызгыш-междуусобицаларда имгәндек. Көч тә бар иде югыйсә. Күбесе файдасызга, бушка ките» [21, С. 1]. – «Мы надломили себя в этих межличностных разборках-междуособицах. Вроде и силы были. Однако много сил тратим впустую, без пользы».

Сколько тревоги содержится в следующем размышлении писателя: «Яшь буынга әйтәсе васыятьләр, тарихи чынлыклар, тәҗрибәләр әйтелмичә, җырлыйсы җырлар җырланмыйча кала шикелле. Дерәс, яшь буын картлардан аларны бик сорап та тормый, ләкин ул «арткы акыл» (яки «төштән соңгы татар акылы...») һәм тарихи чынлыклар дигән нәрсә аларга соңыннан барган саен кирәк булчак. Ай-һай кирәк булчак! Болай тарих, традиция, әдәби һәм мәдәни мирастан өзәлеп, күпер яндырып киртә сикерүләр-нигилизәләр дә бернинди хәерле нәтиҗәләр күрмим мин» [21, С. 1–2]. – «Кажется, останутся так и произнесенными наказы молодежи, историческая правда, переданным опытом, неспетыми песни. И в правду сказать, молодежи к старикам за ними и не обращается, однако в будущем для продвижения вперед им обязательно потребуется историческая правда, как говорится «задним умом» (или «татары задним умом крепки»). Ой, как еще им понадобится! Я не вижу в перспективе никаких положительных результатов от утраты связи с историей, традицией, литературным и культурным наследием, сожженные мосты, прыжки, нигилистические заявления, ничего утешительного...». (подстр. пер.)

В письме к С. Кудашу от 27 декабря 1974 г. Н. Исанбет с сожалением пишет о том, что половина его трудов до сих пор не опубликована, хотя ему недавно исполнилось 75 лет [20].

Показательно письмо, написанное после празднования 80-летнего юбилея писателя [12], [13], [14]. Оно носит характер обзора тенденций развития литературной жизни татар за десятилетие (1972–1980 гг.). Н. Исанбет описывает характер своих взаимоотношений с руководством Союза писателей ТАССР и татарским народом.

Точкой отсчета для своих размышлений Н. Исанбет сделал 1972 г., когда умер марксист Ибрагим Гази, председатель Союза писателей в 1968–1971 гг. По его мнению, именно тогда к руководству пришли писатели, считавшие себя «молодым поколением новой формации» («яңачыл яшь буын»), хотя возраст многих из них приближался к предпенсионному возрасту. Они были уверены, что старшее поколение писателей – «уставшие старики» («алжыган картлар») как километровые столбы перекрывают им горизонт. Все это привело к межпоколенческому конфликту в писательском сообществе [12].

Размышляя над породой «бизнесменов от литературы» («әдәби эшкуар»), Н. Исанбет приходит к неутешительному выводу, что в их произведениях форма всегда не дружит с содержанием, поэтому отсутствие собственной мысли они вынуждены прикрывать «трюкачеством», внешними эффектами. В силу этого литературный майдан оказался заполнен искусственными произведениями, отличающимися схематизмом. Их авторы – «аристократы» по своей натуре – оторвались от живой жизни и отличаются заносчивостью в отношении народа. С горечью Н. Исанбет констатирует, что в устах этих «бизнесменов от литературы» обесценились такие святые понятия, как «народ», «нация», «служение народным интересам». Эти «дельцы» погрязли в болоте буржуазного космополитизма и национального нигилизма: хотя их произведения и написаны на татарском языке и в них используется татарский материал, однако на деле в них нет и намека на национальную самобытность. «На гора» эти «неоклассики» выдают произведения, перелицованные, как придется, с русского оригинала [12].

Н. Исанбет признается, что эти «франтоватые молодые люди на машинах» («машиналы көз эгетләр») окопались в издательствах и выдавливают его «старика, привыкшего с котомкой за спиной без мандата путешествовать по родной земле», на обочину жизни («мандатсыз җәяү йөргән бер картны»). Предметом возмущения ученого является игнорирование «неоклассиками» потенциала литературного наследия (например, пренебрежительное отношение зав. сектором художественной литературой издательства Ш. Галиева к наследию М. Гафури): самоуверенно считают, что татарская литература начинается с них (см. выступление Г. Ахунова 1972 г.). Если «бизнесменов от литературы» Н. Исанбет сравнивает с Ходжой Насретдином, который пилит сук, на котором сидит, то себя с С. Кудашем относит к категории писателей-просветителей, которые занялись литературным творчеством по примеру Г. Тукая и М. Гафури [12]. Искренне радуется писатель тому, что «дельцы-саботажники», проигнорировавшие его 80-летие, недооценили народную любовь к Н. Исанбету: зал не вместил всех желающих оказаться на его юбилейном вечере [14]. С сожалением, писатель констатирует, что татарская литература утрачивает лидирующее положение среди литератур тюркских народов. Н. Исанбет благодарит земляков за отзывчивость и сердечные поздравления. Писатель беспокоится, что не успеет до конца исполнить свой общественный долг ввиду болезни (астма).

Заключение

Наки Исанбет стал классиком национальной литературы при жизни. В письмах к Сайфи Кудашу мы сталкиваемся с авторецепцией писателя. Ученый-энциклопедист зафиксировал возникшее противоречие между оценками чиновников и мнением народным о масштабе собственной личности. Нам известно, что Сайфи Кудаш в 1960–1970 гг. занимался систематизацией своего архива. В начале 1960-х гг. писатель систематизировал переписку, т.к. считал, что письма послужат ценным источником изучения эпохи учеными. В завещании С. Кудаша 1972 г. подчеркнуто, что в его архиве хранятся и письма Н. Исанбета [10, с. 367]. Смеем предположить, что ученый-энциклопедист знал о завещании С. Кудаша и о его планах по введению архива в научный оборот. Переписка Н. Исанбета с С. Кудашем является важным источником изучения литературной жизни 1970–1980-х гг.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Becker H. Art Worlds. / H. Becker – London: University of California Press, 1984. – 392 p.
2. Rodden J. The politics of literary reputation / J. Rodden – New York, Oxford: Oxford univ. press, 1989. – 478 p.
3. Poppe N. Tatar folk riddles, 1970. / N. Poppe // Central asiatic journal: international periodical for the languages, literature, history and archaeology of Central Asia . – 1971. – XV, №3.
4. Бушканец Л.Е. «Он между ними жил...»: А.П.Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века. / Л.Е. Бушканец – Казань: Казан. гос. ун-т, 2012. – 755 с.
5. Кудашева С.С. Сайфи Кудаш. Жизнь и судьба: воспоминания. / С.С. Кудашева – М.: Флинта, 2018. – 519 с.
6. Кузнецова Е.Г. Ф.М. Достоевский и Казань: писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв. : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01, место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. / Е.Г. Кузнецова – Казань, 2008. – 21 с.
7. Луцевич Л.Ф. Авторецепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя / Л.Ф. Луцевич // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения / под ред. В. П. Викуловой. – М.: Новосибирский издательский дом, 2013. – С. 176–184.
8. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А.И. Рейтблат – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 328 с.
9. Розанов И.Н. Литературные репутации. / И.Н. Розанов – М.: Советский писатель, 1990. – 462 с.
10. Тынянов Ю.Н. Литературный факт. / Ю.Н. Тынянов – М.: Высш. шк., 1993. – 319 с.
11. Шкловский В.М. Третья фабрика. / В.М. Шкловский – Москва: Круг, 1926. – 139 с.
12. Эйхенбаум Б.М. Литературный быт / Эйхенбаум Б.М. // О литературе. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 428–436.
13. Дәрдемәнд. Агарган кыл. – Казан: Мәғариф, 1999. – 21 б.
14. Исәнбәт Н. Чаң. / Н. Исәнбәт – Уфа : Башкнига, 1925. – 38 б.
15. «Көдрәтле яшь буынның саташуымы әллә бу?..» : [С. Кудашка җавап хат] // Өмет. – Уфа, 1998. – №6. – 20 гыйнв. – 6 б.
16. «Көдрәтле яшь буынның саташуымы әллә бу?..» : [С. Кудашка җавап хат] // Өмет. – Уфа, 1998. – №6. – №7. – 22 гыйнв. – 6 б.
17. «Көдрәтле яшь буынның саташуымы әллә бу?..» : [С. Кудашка җавап хат] // Өмет. – Уфа, 1998. – №8. – 24 гыйнв. – 6 б.
18. Кудаш С. Талантлы язучы һәм галим / С. Кудаш, С. Агиш // Совет Башкортостаны. – 1960. – 11 январь.
19. Кудаш С. Баһадир якташыбыз / С. Кудаш // Совет Башкортостаны. – 1980. – 11 февраль.
20. Кудаш С. Баһадир замандашым / С. Кудаш // Соц. Татарстан. – 1980. – 27 гыйнварь.
21. Машакова А.К. Татар мәдәниятендә Мәгъжан Жомабәев иҗаты реценциясе // А.К. Машакова, М.М. Хәбетдинова // Tatarica. – 2020. – №2 (15). – С.34–53.
22. Н. Исәнбәтнең С. Кудашка язган хаты // Нәкый Исәнбәтнең шәхси архивы. Машинкада басылган. – Казан. – 8–20.12.1972. – 16 б.
23. Н. Исәнбәтнең С. Кудашка язган хаты. // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Машинкада басылган. – Казан. – 27.12.1974. – 1 б.
24. Н. Исәнбәтнең С. Кудашка язган хаты. // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Машинкада басылган. – Казан. – 22.04.1972. – 2 б.
25. Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр җыентык. / Төз. М. Хәбетдинова – Казан: Жыен, 2021. – 736 б.
26. Хәбетдинова М.М. «Чорлар рухания» / М.М. Хәбетдинова // Казан утлары. – 2020. – №1. – 150–162 б.
27. Хуш, Нәкый ага, бәхил бул! // Ватаным Татарстан. – 1992. – 18 сентябрь. – 3 б.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Becker H. Art Worlds. / H. Becker – London: University of California Press, 1984. – 392 p.
2. Rodden J. The politics of literary reputation / J. Rodden – New York, Oxford: Oxford univ. press, 1989. – 478 p.
3. Poppe N. Tatar folk riddles, 1970. / N. Poppe // Central asiatic journal: international periodical for the languages, literature, history and archaeology of Central Asia . – 1971. – XV, №3.
4. Bushkanec L.E. «On mezhd u nimi zhil...»: A.P. Chekhov i russkoe obshchestvo konca XIX – nachala XX veka. [“He lived between them...”: A.P. Chekhov and the Russian society of the late XIX – early XX century] / L.E. Bushkanec – Kazan': Kazan. gos. un-t, 2012. – 755 p. [in Russian]
5. Kudasheva S.S. Sajfi Kudash. Zhizn' i sud'ba: vospominaniya. [Sayfi Kudash. Life and destiny: reminiscences] / S.S. Kudasheva – M.: Flinta, 2018. – 519 p. [in Russian]
6. Kuznecova E.G. F.M. Dostoevskij i Kazan' : pisatel' i kul'tura russoj provincii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [F.M. Dostoevsky and Kazan: writer and culture of the Russian province of the second half of the XIX – early XX centuries.]: autoref. of dis. ... of PhD in Philology: 10.01.01 / E.G. Kuznecova – Kazan. gos. un-t named after V.I. Ul'yanov-Lenin – 2008. – 21 p. [in Russian]

7. Lucevich L.F. Avtoreceptiya kak popytka formirovaniya literaturnoj reputacii v «Avtorskoj ispovedi» Nikolaya Gogolya [Autoreception as an attempt to form a literary Reputation in Nikolai Gogol's "Author's Confession"] / L.F. Lucevich // *Tvorchestvo Gogolya i russkaya obshchestvennaya mysl'. XIII Gogolevskie chteniya / pod red. V. P. Vikulovoj.* – Moscow: Novosibirskij publishing house, 2013. – p. 176–184. [in Russian]
8. Rejtblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sociologicheskie ocherki o knizhnoj kul'ture Pushkinskoj epohi. [How Pushkin came out as a Genius: Historical and Sociological essays on the book culture of the Pushkin era] / Rejtblat A.I. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 328 p. [in Russian]
9. Rozanov I.N. Literaturnye reputacii. [Literary reputations] / I.N. Rozanov – Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. – 462 p. [in Russian]
10. Tynyanov Yu.N. Literaturnyj fakt. [Literary fact] / Yu.N. Tynyanov – Moscow: Vysshaya shkola, 1993. – 319 p. [in Russian]
11. Shklovskij V.M. Tret'ya fabrika. [The third factory] / V.M. Shklovskij – Moscow: Krug, 1926. – 139 p. [in Russian]
12. Ejhenbaum B.M. Literaturnyj byt [Literary life] / Ejhenbaum B.M. // *O literature [About Literature].* – Moscow: Sov. pisatel', 1987. – p. 428–436. [in Russian]
13. Därdemänd. Agargan kyl. [The grayed string] – Kazan: Magarif, 1999. – 21 p. [in Tatar]
14. Isənbət N. Chang [The bell]. / N. Isənbət – Ufa : Bashkniga, 1925. – 38 p. [in Tatar]
15. «Küdrätle yash' buynnyñ satashuymy elle bu?..» [Is this not a delusion the young that they are powerful?] : S. Kudashka javap hat] // *Ömet.* – Ufa, 1998. – №6. – 20 January. – 6 p. [in Tatar]
16. «Küdrätle yash' buynnyñ satashuymy ällä bu?..» [Is this not a delusion the young that they are powerful?] : S. Kudashka javap hat] // *Ömet.* – Ufa, 1998. – №6. – №7. – 22 January. – 6 p. [in Tatar]
17. «Küdrätle yash' buynnyñ satashuymy ällä bu?..» [Is this not a delusion the young that they are powerful?] : S. Kudashka javap hat] // *Ömet.* – Ufa, 1998. – №8. – 24 January. – 6 p. [in Tatar]
18. Kudash S. Talantly yazuchy häm galim [A talented writer and scientist] / S. Kudash, S. Agish // *Sovet Bashkortostany.* – 1960. – 11 January. [in Bashkir]
19. Kudash S. Bahadir yaktashybyz [Fellow countryman is a hero] / S. Kudash // *Sovet Bashkortostany.* – 1980. – 11 February. [in Bashkir]
20. Kudash S. Bahadir zamandashym [Our contemporary is a hero] / S. Kudash // *Soc. Tatarstan.* – 1980. – 27 January. [in Tatar]
21. Mashakova A.K. Tatar medeniyatende Magjan Jomabaev ijaty recepsiyase. [The assimilation of Magzhan Zhumabayev's works into the Tatar culture] / A.K. Mashakova, M.M. Khabutdinova – *Tatarica.* – 2020. – №2 (15). – p.34–53. [in Tatar]
22. N. Isanbetneng S. Kudashka yazgan haty [Letter from N. Isanbet to S. Kudash] // *Nakyj Isanbatneng shahsi arhivy. Mashinkada basylgan [Personal archive of N. Isanbet. Typewritten editions].* – Kazan. – 8–20.12.1972. – 16 p. [in Tatar]
23. N. Isanbetneng S. Kudashka yazgan haty. [Letter from N. Isanbet to S. Kudash] // *N. Isanbetneng shahsi arhivy. Mashinkada basylgan [Personal archive of N. Isanbet. Typewritten editions].* – Kazan. – 27.12.1974. – 1 p. [in Tatar]
24. N. Isanbatneng S. Kudashka yazgan haty. [Letter from N. Isanbet to S. Kudash] // *N. Isenbetneng shahsi arhivy. Mashinkada basylgan [Personal archive of N. Isanbet. Typewritten editions].* – Kazan. – 22.04.1972. – 2 p. [in Tatar]
25. *Näkyj Isanbet: fanni-populyar jyentyk. [Näkyj Isanbet: popular science collection] / Edited by M. Khabetdinova.* – Kazan: Jyen, 2021. – 736 p. [in Tatar]
26. Khabutdinova M.M. «Chorlar ruhanie» [The spiritual leader of the epoch] / M.M. Khabutdinova // *Kazan utlary [Kazan Lights].* – 2020. – №1. – p. 150–162 [in Tatar]
27. Hush, Nakyj aga, bahil bul! [Good bye, Naki aga, rest in peace!] // *Vatanyñ Tatarstan [Motherland-Tatarstan].* – 1992. – 18 September. – 3 p. [in Tatar]